

Эволюция прогнозов информационного общества

Лидия Землянова

В статье рассматривается эволюция прогнозов информационного общества на рубеже XX-XXI вв. На основании концепций известных футурологов автор выделяет несколько этапов такой трансформации: от технологического детерминизма до «коммуникационного общества» с его социально-гуманитарным подходом к судьбам людей. Кроме того, обращается внимание на то, что в новом тысячелетии интерес исследователей современной коммуникативистики направлен на использование более разносторонних подходов к изучению природы медийных процессов в различных областях общественной жизни мира.

Ключевые слова: информационное общество, эволюция, прогнозы, футурологи, коммуникативистика.

Футурологические прогнозы грядущего информационного общества стали предметом обсуждений в зарубежной коммуникативистике еще в прошлом столетии. Тогда на волне начавшегося бурного развития электронных средств связи появилась тенденция рассматривать их как технологическую основу постиндустриального капитализма, обладающего большими научно-информационными ресурсами для модернизации рычагов прогресса, которые способны обезопасить мир от кризисных явлений, свойственных прежним стадиям капитализма.

Экскурс в историю этих прогнозов позволяет выделить несколько этапов их эволюции. Если на первом этапе (1970 гг.) идеи перехода к информационному обществу сближались с концепциями постиндустриального капитализма, изложенными в известных трудах Даниела Белла «Приход постиндустриального общества. Опыт социального прогноза» (Нью Йорк, 1974) и «Культурные противоречия капитализма» (Нью Йорк, 1976), то на втором этапе (1980 гг.) такие идеи уже более определенно становятся аргументами в проектах именно информационного общества, опирающегося на ключевую роль компьютерной техники. Примером воплощения этой разновидности научного прогнозирования

Землянова Лидия Михайловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, kafedra.zarubezhka@mail.ru

ния стала теория «третьей волны» Элвина Тоффлера. Третий этап начинается на рубеже XX-XXI вв. и характеризуется уже нарастанием критических оценок ранее высказывавшихся прогнозов.

От объединения культуры и религии – до просьюмеризма

Белл утверждал, что благодаря преобразованию машинной технологии в интеллектуализированную, управляемую новыми средствами связи, качественные преобразования происходят и в других сферах жизни. В экономике центр тяжести переносится с производства на сферу услуг и исследовательские институты, ведущую роль обретают информационные средства коммуникации, способствующие и тому, что большая часть общества начинает принимать участие в его управлении и пересмотре традиционных представлений и структур. Но Белла беспокоили изменения в области культуры.

С тревогой писал он о том, что в условиях, когда общество стремится развивать знания и научные силы для их эффективного использования, культура становится гедонистической, вседозволяющей, экспрессивной, не уважающей авторитеты. По его словам, «отсутствие прочной системы моральных убеждений является культурным противоречием общества»¹ и серьезно осложняет проблему его выживания. Выход из такого противоречия Белл видел в признании исторической потребности объединения культуры с религией, которая «может восстановить преемственность поколений, возвращая нас к экзистенциальным категориям, являющимся основами для скромности и заботы о других»².

Тоффлер в своей книге «Третья волна»³ выделял в истории цивилизации три волны: аграрная (до XVIII в.), индустриальная (до середины XX в.) и постиндустриальная. Последняя отличается от предыдущих тем, что все характерные для нее структуры об-

щества, образ жизни и сознание людей оказываются в системной зависимости от влияния электронных медиатехнологий. Критикуя вторую волну за преобладание рыночных принципов во всех сферах жизни, безжалостную эксплуатацию природных ресурсов, за отрыв производителя товаров от потребителя, стандартизацию форм быта и омассовление вкусов, футуролог ратовал за ликвидацию разъединения между производителями и потребителями. В связи с этим он предлагал создать с помощью компьютерной техники экономику нового типа – просьюмеризм (аббревиатурное соединение слов *producer* и *consumer*), обеспечивающий производство и потребление нужных товаров в «электронных коттеджах». Такая организация труда, по мнению Тоффлера, может привести к демассификации инфраструктурных связей в обществе и культуре, перенося их на экраны компьютеров.

В книге обольстительно рекламируются и другие новации тотальной компьютеризации общественной жизни, но игнорируется вопрос о собственности на компьютерную технику и цене за ее приобретение. Рыночные принципы «второй волны» критикуются, но не приводятся доказательства их исчезновения на «третьей волне». Результатом ее развития объявляется «огромный скачок в усилении значения информации, которой мы обмениваемся друг с другом. И это именно то усиление, которое объясняет, почему мы превращаемся в информационное общество»⁴.

Нельзя не признать, что в отличие от постулатов Маршалла Маклюэна, прогноз информационного общества Тоффлера, несмотря на утопичность его веры в паннацейную миссию компьютерной техники, все же апеллирует к силам прогресса и призывает не к возврату осязаемого мира первобытных времен на электронной основе, а к обогащению запаса новых знаний об окружающей человека интеллек-

туально-информационной среде, с которой он должен находиться в благотворных для природы и цивилизации связях. «Во всех предшествующих обществах, – писал Тоффлер, – информсфера обеспечивала средствами общения между людьми. Третья волна размножает эти средства. И впервые в истории она также обеспечивает мощные возможности для коммуникаций между машинами и, что еще более удивительно, – для ведения разговоров между людьми и окружающей их информмирующей средой»⁵.

К сожалению, Тоффлеру не удалось освободиться от концептуальных уз технологического детерминизма и в XXI в., когда в работах многих коммуникативистов акцент переносится на гуманитарные аспекты проектов информационного общества. В книге «Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь» в пафосно-риторическом стиле прославляется технологический фасад, присущий «революции третьей волны», «поскольку она порождает поистине невероятные технологии. Но как индустриализация и модернизация она также означает всеобъемлющую смену цивилизации. Несмотря на все колебания на фондовых биржах и прочие препятствия, новая революция будет неуклонно продолжать шествие по земному шару», – говорится в заключительной части книги, которая заканчивается словами: «Поистине все мы живем в захватывающее время! Добро пожаловать в XXI век!»⁶. Звучат эти строки оптимистично, но без должной научно убедительной аргументации обретают химерический оттенок.

Информационально-сетевое общество Кастеллса

В ином концептуальном ключе написана трилогия Мануэла Кастеллса «Информационный век: экономика, общество и культура». Она как бы предвещает решительное наступление третьего этапа в

эволюции теорий информационного общества, когда развивается более детальное сравнительно-историческое изучение воздействия новых электронных медиа на прогнозирование будущего мира с позиций не технологического детерминизма, а более социально обоснованного. Речь идет о гуманитарных подходах к судьбам и нуждам людей, к их гражданским правам на доступ к достоверной информации и средствам ее получения в целях не отлучения, а приобщения к достижениям социально-культурного прогресса.

Такие подходы переносят акцент с коммуникационной техники как таковой на конкретное изучение достоинств и условий ее использования при переходе к информационному обществу и на особенности этого процесса в разных исторических ситуациях.

В трилогии Кастеллса рассматриваются национальные и общемировые, государственные и социально-культурные, этнорелигиозные и многие другие влиятельные и конфликтующие тенденции в условиях глобализации и глокализации медийных процессов. Это дает автору возможность разносторонне проследить, каким образом «медиабизнес становится глобальным, обладающим капиталом, талантами, технологией и корпоративной собственностью, опутывающей весь мир за пределами национальных государств»⁷. Этот процесс активизируют и медиа, стремящиеся к независимости, с которой государство должно соглашаться, чтобы не нарушать принципы демократии. И «круг замыкается: любая попытка ущемления свободы обретает политическую значимость», так как граждане, не всегда разбирающиеся в точности новостей, ревностно защищают привилегию получать информацию из источников, не подчиняющихся государству. «Поэтому даже авторитарные государства терпят поражение в борьбе с медиа в информационном веке»⁸.

В отличие от Маклюэна, объясняя такое явление, Кастеллс не утверждает, что само средство и есть сообщение. Он придерживается иной концепции, согласно которой политика под влиянием медиа начинает использовать в своих интересах даже такие способы гонки за аудиторные рейтинги, как развлекательные программы.

Это ведет к тому, что не политические программы, а сами политики, их имена и имиджи становятся главными действующими лицами в инфотейнментах или политейнментах в формах подачи политических новостей в сочетании с развлекательными элементами.

В таких программах не средства сообщения, а его носитель (*messenger*) обретает ведущую роль, если личность политика, а не суть его деятельности оказывается в фокусе внимания. Из этих имиджей политиков формируется как бы новый тип власти, «вокруг которой общества организуют свои институты, а люди строят свои жизни и решают, как им себя вести»⁹.

Информационное общество Кастеллс называет *информациональным*, чтобы по аналогии с понятием индустриального капитализма терминологически подчеркнуть приоритетную роль информационных факторов в его формировании и развитии, а в дополнение к этому присваивает еще и дефиницию «сетевое общество» для выделения важного значения сетевых коммуникаций.

В первом томе «Возникновение сетевого общества» и во втором «Сила идентичности» подробно анализируется атрибутика этого информационно-сетевого общества. Освещаются не только его новаторские достоинства, но и негативные явления, вносящие трудности в жизнь малоимущих слоев населения, лишенных доступа к новым медиа, а также и различные формы сопротивления процессам глобализации сетевого общества. В третьем томе «Конец тысячелетия» внимание к этим явлениям

усиливается, и взору читателей представляется широкая панорама коренных исторических изменений в жизни современного мира.

Кастеллс рассказывает о том, как в последней четверти XX в. технологическая революция, сосредоточенная вокруг информационных средств связи, трансформировала привычные способы жизни. На планете создается динамичная глобальная экономика, соединяющая людей и активные силы со всех частей света, но в это же время происходит отстранение людей и территорий, отключенных от властных сетей и богатств как неудобных для перспективы доминантных интересов. Виртуальная культура, «конструируемая в постоянно усиливающимся интерактивном аудиовизуальном мире, распространяет повсюду свои ментальные представления и связи, интегрирующие разнообразные культуры в электронном гипертексте. Пространство и время, материальные основы жизни человека также трансформируются, поскольку поточное пространство начинает доминировать над пространством территориальным, а безвременное время одерживает верх над хронометрированным временем часов, характерным для индустриальной эры»¹⁰.

Кастеллс не закрывает глаза на тот факт, что наряду с «сетевой логикой» капитализм демонстрирует также и свою «эксклюзивную логику», когда миллионы людей и огромные пространства планеты оказываются отключенными от выгод информационализма как в развитых, так и в развивающихся странах из-за неконтролируемой природы глобальных капиталистических сетей. Кроме того, появилось новое действующее лицо – «глобальная преступность». Это создает «глобальную криминальную экономику, проникающую на финансовые рынки, в торговлю, бизнес и политические системы во всех обществах. Такая извращенная связь является существенной

особенностью информационного глобального капитализма»¹¹.

Оказавшись не в состоянии поставить заслоны на путях развития преступности, информационный капитализм проявляет беспомощность и в отношении ликвидации таких социальных пороков, как неравенство, бедность, обездоленность, безработица и неграмотность, из-за которых люди лишаются возможности пользоваться благами технологического прогресса. Эту ситуацию Кастеллс называет «черными дырами информационного капитализма»¹², которые, распространяясь по миру, формируют «четвертый мир» несчастных, отрешенных от благ информационного общества людей.

Подвергая критике «чрезвычайное несоответствие между технологическим сверхразвитием и социальным недоразвитием», а также «конфискацию плодов информационной технологии и направление нашей энергии к разрушительным конфронтациям», Кастеллс утверждает, что такого состояния быть не должно. По его мнению, «извечности зла в человеческой натуре нет. И нет ничего такого, чего нельзя изменить путем осознанного целенаправленного социального действия, обеспеченного информацией и легитимностью»¹³.

Партисипационное «коммуникационное общество» – задача нового тысячелетия?

Идеи Кастеллса нашли отклик в трудах многих коммуникативистов, работающих в разных странах мира, а также на всемирных саммитах по информационному обществу, состоявшихся в Женеве (2003) и Тунисе (2005). В «Декларации принципов» женевского саммита создание информационного общества определялось как важнейшая задача нового тысячелетия, решение которой должно принести народам мира существенное улучшение качества их жизни и ее демократизацию в соответствии с

положениями «Всеобщей декларации прав человека». Одновременно распространялась и «Декларация гражданского общества», в которой подчеркивалась необходимость положить в основу всех устремлений к информационному обществу прежде всего заботу о людях, их образовании и праве на свободный доступ к информации и технике ее распространения. Всемирный характер саммитов подчеркнул, что никогда ранее человечество не имело в своем распоряжении такого многообразия эффективных технических средств передачи на огромные расстояния и в кратчайшие сроки мультимедийной информации и ее использования в ситуациях, требующих достоверных знаний о происходящих событиях, чтобы возникающие проблемы можно было бы решать без опасных последствий, связанных с различными катаклизмами. Это чрезвычайно важно для современного человечества, остро нуждающегося в укреплении своего иммунитета по отношению ко всем болезням века, которые могут разрушать как материальные, так и духовные ценности и традиции многих поколений, если медиа будут применяться для воспитания агрессивного поведения и необузданного эгоизма людей, внушая им право на циничную вседозволенность в исполнении своих желаний вместо соблюдения гуманно-демократических принципов общественно-коммуникабельной морали. Защитники таких принципов предлагают «партисипационное использование информационных и коммуникационных технологий» для «коллективного развития предвидений информационных и коммуникационных обществ»¹⁴.

Термин «коммуникационное общество» не нарушает взаимосвязь между понятиями коммуникации и информации, усиливая внимание к социально-гуманитарным функциям информационной техники, предназначенной для улучшения общения, взаимопонимания и сотрудничества людей

и стран, стремящихся к информационному обществу. Появление этого термина в «Декларации гражданского общества» не случайно.

В ней предлагается преодоление ассоциальных подходов к проектам информационного общества и более широкое осмысление значения не только самих новых средств информации и коммуникации как продуктов исторического общечеловеческого прогресса, но и их социально-культурного предназначения для людей, которые должны объединяться общими знаниями и пониманием задач улучшения своей жизни на гуманно-демократических началах правоправия и сотрудничества.

Технические средства коммуникации, распространяя такую информацию с человеческими измерениями ее значения для общества, обязаны служить людям, сплачивая их партисипационно в разных структурах гражданского партнерства в границах национальных стран и на общемировом уровне ради создания обществ, где «знания, информационные и коммуникационные ресурсы признаются и защищаются как общее наследие человечества». Эту тенденцию следует поддерживать и в «обществах, которые гарантируют и воспитывают культурное и языковое многообразие и интернациональные диалоги в среде, свободной от дискриминации, насилия и ненависти»¹⁵.

Расширение круга дискуссионных актуальных тем, намеченное в периоды подготовки, проведения и обсуждения материалов всемирных саммитов по информационному обществу, продолжается и в последующие годы, когда в условиях назревавшего глобального финансово-экономического кризиса и связанных с ним различных перемен в общественной жизни мира картины его инфоструктурных преобразований не исчезают из поля зрения коммуникативистов и продуцируют новые акценты в методологическом базисе.

Заметно растет стремление к отказу от устаревающих доктрин XX в. Вместо иллюзий технологического детерминизма и стратегий информационного бизнеса, утверждающих принципы товаризации медийных ресурсов вкуче с их «деидеологизацией» ради интересов сторонников глобализации моделей неолиберализма и консьюмеризма, внимание исследователей направляется на использование более разносторонних подходов к изучению природы современных медийных процессов в различных областях современной общественной жизни мира. Благодаря таким подходам аргументировано выявляются и верифицируются контекстуальные причины и цели дискурсивной атрибутики медийных контентов и способы их фреймирования.

Особое внимание в этой связи уделяется использованию медийных инноваций в информационных войнах, радиусы воздействия которых на аудиторию могут не ограничиваться только горячими точками планеты, вызывая эхо повсюду, где распространяются спутниковые телекоммуникационные связи, интернет и мобильная телефония. В коммуникативистике эта тенденция активизирует обсуждение проблем регулирования процессов распространения информации с целью борьбы против пропаганды насилия, терроризма, аморализма и иных преступлений против человечества.

Поддерживается борьба и против киберпреступности различных видов. Предлагаются проекты превращения медиа в инструменты мирного диалогового решения всевозможных проблем на основе коммуникативного сотрудничества разных стран и населяющих их людей.

Что касается интернета, на информационно-коммуникационный потенциал которого рассчитаны многие прогнозы информационного общества, то значительная часть современных исследователей

не склонна его идеализировать в качестве некой демократической панацеи, убедившись в ходе критических анализов в том, что, хотя «демократический потенциал интернета велик, но и его существующая эффективность может ограничиваться, поскольку распространение интернета оказывается зависимым и от национального уровня самой демократии»¹⁶.

Допустимо предположить, что суждения подобного рода некоторым неизменным почитателям интернета могут показаться предвзятыми. Но для специалистов в области коммуникативистики они имеют полемически полезное значение, помогая понять и доказать, почему сами по себе инновации в информационной технике без соблюдения демократических принципов их внедрения в жизнь людей не гарантируют полноценного осуществления гуманных идеалов информационно-коммуникационных обществ.

Ответ на этот вопрос заставляет глубже задуматься о том, что ликвидация цифровых расколов и демократических «не только сохранит, но и принесет новые плоды демократии на национальном и, возможно, на глобальном уровне предсказуемого будущего»¹⁷.

Такие идеи высказываются на страницах журналов коммуникативистов, издающихся в странах развитых и развивающихся, расположенных в разных частях света. В 2010 г. южно-африканский журнал «Коммуникатио» (*Communicatio*) посвятил специальный выпуск «контекстам, профессиональной практике, институтам и идео-

логиям журналистики в Южной Африке и Бразилии», полагая, что эти страны имеют сходные черты развивающейся демократии, позволяющие на них сосредоточить сравнительные исследования политических, экономических и социальных условий, в которых совершается и изучается практическая деятельность журналиста. Отмечается, что эти условия отличаются от тех, которые характерны для «медийно насыщенных стран Северной Америки и Западной Европы», все еще «доминирующих в продуцировании знаний в области журналистики и изучении медиа». Хотя есть уже и «растущее осознание того, что англо-американские теоретико-познавательные рамки слишком ограничивают и обедняют возможности для обеспечения богатством понимания роли медиа в глобализирующемся мире»¹⁸.

Это говорится на страницах журнально-го выпуска, инициаторы которого считают, что предлагаемые сравнительные исследования «могут потенциально внести вклад в интернационализацию знаний о журналистике»¹⁹. Если под этим вкладом понимаются сравнительно-системные анализы многообразия медийных процессов и их растущего влияния на судьбы не только отдельных стран и регионов, но и всего человечества, то, конечно, их надо рекомендовать современным коммуникативистам и особенно тем, кто изучает эволюцию прогнозов информационного общества и вносит свою лепту в их обсуждение, модернизацию и рассмотрение в программах медиаобразования.

* * *

¹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. L., 1974. P. 480.

² Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976. P. 30.

³ Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980.

- ⁴ Ibid. P. 183.
- ⁵ Ibid. P. 194.
- ⁶ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2007. С. 559.
- ⁷ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. V. 2. The Power of Identity. Oxford, 1997. P. 255.
- ⁸ Ibid. P. 257.
- ⁹ Ibid. P. 359.
- ¹⁰ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. V. 3. End of Millenium. P. 1.
- ¹¹ Ibid. P. 2-3.
- ¹² Ibid. P. 162–164.
- ¹³ Ibid. P. 359-360.
- ¹⁴ 'Shaping information societies for human needs'. Civil Society Declaration to the World Summit on the Information society // Gazette. The International Journal for Communication Studies. 2004. V. 66. № 3-4. P. 323.
- ¹⁵ Ibid. P. 325.
- ¹⁶ Groshek J. The Democratic Effects of the Internet, 1994–2003. A Cross-National Inquiry of 152 Countries // The International Communication Gazette. 2009. V. 71. № 3. P. 133.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Editorial. Special issue: Journalism in the global South: South Africa and Brazil. Guest editors: Herman Wasserman and Arnold S de Beer // Communicatio. South African Journal for Communication Theory and Research. 2010. V. 36 (2). P. 143.
- ¹⁹ Ibid. P. 143.